

Александр Шубин

Советский Союз и современный российский капитализм

Когда мы говорим о слове «капитализм», понятно, что речь идет не о каких-то специфических экономических буржуазных отношениях. Это своеобразный синоним нашего современного общества. Нужен он нам для того, чтобы лишний раз все-таки подтвердить для самих себя, что произошел переход от чего-то к чему-то. Что мы все еще, в отличие от той бабушки или тетушки, не живем в советском обществе. Потому что был «социализм» (в кавычках), а сейчас у нас что-то совсем другое.

Но «капитализм» этот, между нами говоря, тоже в больших кавычках. Особенно если смотришь на его феодальные черты. Тут возникает вечная советская тема: тема общего и особенного. Капитализм подчеркивает особенное, то, что мы, в какой-то степени, стали другими. И вот с 1990-х годов мы смотрим на то, как мы меняемся. Говорим: да мы, в общем, плохо меняемся, недостаточно меняемся. В 1998 году мне довелось поработать в нашем, российском правительстве, только что закончив книгу об эпохе Брежнева. Надо сказать, я очень быстро акклиматизировался. Я знал, как «ходят» бумаги. Они «ходили» абсолютно так же, примерно по тем же кабинетам, которые были переименованы, но функции их сохранились. Казалось бы, я должен был окончательно утвердиться в мысли, что ничего не меняется.

Тем не менее, хотя бы в двух отношениях, изменения произошли. Первое, нас, тех, кто тогда жил, особенно волновала проблема колбасы. Наше «доставание» колбасы, безусловно, изменилось. То есть раньше, борясь за колбасу, мы прилагали некоторые усилия. Но получив колбасу, мы получали то, что считали колбасой. А что происходит сейчас? Мы легко приходим, тяжело получив деньги, смотрим на эти пятьсот вариантов, покупаем то, что покупали в прошлый раз, а оно оказалось совершенно другим.

Когда ты покупаешь колбасу «Дымов» вареную, ты каждый раз покупаешь что-то новое, это интересно. Ты приходишь в другой отдел, видишь там еще 500 вариантов чего-то и не видишь того, что купил в прошлый раз, и тогда ты растерян совершенно. Возможно, у вас другие практики, но я пытался подчеркнуть разницу. Это, как бы, одна сторона изменений. Вторая сторона изменений заключается в том, что до некоторой степени иначе стала функционировать элита, это конечно связано с функционированием все тех же рыночных механизмов. Там, где раньше был Госплан, стала биржа.

Можно спорить – является ли биржа принципиально другим механизмом, но, тем не менее, изменился сам внутренний характер элиты. То есть она не вся перекочевала из ЦК, обкомов, со Старой площади на Новую площадь, — люди изменились. В общем, наверное, можно говорить о гетерогенном характере нашей элиты, и вот эта постноменклатурная часть не составляет, во всяком случае, по моим скромным наблюдениям, даже большинства. То есть сдвиг произошел. Этот сдвиг принято во вполне марксистских тезисах называть (во

всяком случае, часто приходится с этим сталкиваться) «первоначальным накоплением».

Хотя процесс явно прямо противоположный. Если первоначальное накопление – это концентрация ресурсов традиционного общества для создания индустриального сектора, то первоначальное разграбление, которое мы имели, – это некоторое распыление имеющегося индустриального сектора для перераспределения ресурсов, которое, по многим характеристикам, в процессе производства привело к индустриальной деградации. Мы можем заметить это и в производственной структуре, мы можем посмотреть это по качеству нынешней элиты.

Я помню, мы с пеной у рта критиковали коммунистическую элиту за то, что человек-номенклатурщик – вчера занимается вопросами образования, завтра занимается вопросами производства, и это, действительно было так. Но все-таки не в таких пределах, как Саяно-Шушенская ГЭС и известный на ней инцидент. Итак, изменения произошли, преемственность тоже налицо. Проблему общего и особенного мы решили.

Интересно посмотреть на процесс в динамике. А динамика, увы, негативная, то есть мы имеем именно процесс деградации. Дело же не только в том, что с одной стороны, мы – одна цивилизация, которая, естественно, имеет преемственность между разными периодами своего развития, и нет тут ничего особенного. Было советское, мы — следующий этап, значит, есть какая-то преемственность. И дело даже не в том, что два разных этапа должны иметь какое-то качественное различие, иначе, почему

они разные?

Дело в том, что движение по многим параметрам идет в обратном направлении. И это многих печалит. Конечно, можно найти признаки прогресса в виде мобильного телефона, компьютера, но и здесь мы легко заметим, что признаки прогресса принесли нам «инопланетяне», прилетевшие на нашу планету, которые принесли эти замечательные приборы. Я совершенно не знаю, как они устроены. Я испытываю перед ними мистический ужас, тем более тут что-то мигает. Но это не есть продукт нашего внутреннего развития.

Наше общество подошло к какой-то грани, когда оно задалось проблемой – как это произвести? Даже стало что-то такое производить, и тут все кончилось, и вдруг история пошла в обратном направлении. Это интересный феномен, который не часто в истории случается. Хотелось бы с ним разобраться. Также мы видим, что эти процессы преемственности сильны в процессе деградации.

Здесь упоминалась культура, можем ли мы найти что-то старое в трекерах. Я совершенно не знаю, кто сейчас смотрит диафильмы, где они берутся. Я не знаю, вообще я с детского сада не сталкивался с диафильмами, но, что касается кино, просто включите телевизор. Не надо никаких трекеров. Что мы смотрим на Новый год? «Место встречи изменить нельзя» в сотый раз, и что самое удивительное, вся моя семья смотрит. Мы смотрим «Собаку Баскервилей» в двухтысячный раз, «Семнадцать мгновений весны». Мы переключаемся с этих безумных сериалов. И если я говорю со своими студентами, какими образами мы с ними общаемся? Мы не общаемся

образами современных сериалов. Фильм «Цитадель» является просто предметом насмешек, если кто-то вообще сумел это посмотреть.

В то время как советский кинематограф настолько велик (я, в данном случае, имею в виду уровень развития, ну, кстати, и объем того, что осталось), что все равно новое поколение воспитывается скорее на этом кино. Хотя, конечно, «Бумер» тоже играет свою роль, но, все-таки, наверное, меньшую. Потому что в «Бумере» они узнают то, что знают и так, если это хороший для них фильм. А советский кинематограф учит какой-то утопии, которая, оказывается, уже была. Золотой век, который уже ушел, но к которому, может быть, имеет смысл вернуться. Отсюда это воспроизводство ностальгии. Помните, была такая либеральная уверенность, что сейчас, наконец, перемрут все старушки из коммунистической партии и, наконец, мы решим проблему с жильем? Я думаю, что это была та утопия, которая рухнула. А самовоспроизводство советской культуры определяется, прежде всего, тем, что Российская Федерация не смогла создать в культурной области ничего сколько-нибудь превосходящего. Отсюда и наша телепрограмма, пока не решили все это запретить.

Итак, я думаю, многие здесь соглашались с тем, что советское общество – эта наша форма модерна. Отечественная форма индустриального общества, что для меня гораздо важнее, чем капитализм, то есть гораздо более сущностное явление. То, что мы все-таки проходили определенную фазу индустриального городского общества. Да, оно дошло до некоторого предела своего развития. Оно «разогналось», оно, так сказать,

«уперлось» в какую-то стенку, не смогло ее превзойти, не смогло через нее перевалить, как мне представляется, это сумело все-таки сделать западное общество, «ударилось» и что же мы видим?

Мы видим, что движение, возможно, происходит именно в обратном направлении. Новизна привносится. То есть это периферийная система. Все превосходящее может приходить сюда, сама же система деградирует. Какие два вывода из этого следуют?

Первый вывод: это движение вспять не является таким «мультфильмом в обратном порядке». Это было бы еще, может быть, и приятное путешествие во времени в некую, как многие мечтают, Российскую Империю. И все хотят быть помещиками при этом, никто не хочет быть крестьянами. Из российской общинности генетически произвелся советский коллективизм. А вот из советского коллективизма община назад не произвелась, а производится некий социальный мусор. Такое атомизированное мещанство, такое болото (хорошую площадь, кстати, нашли для реализации чайный), и эта атомизация – это новое качество. Это не просто возвращение назад. Это все-таки качество деградации, на мой взгляд, потому что если из этого бы воспроизвелся какой-нибудь дистиллированный либерализм, то я бы еще был готов полемизировать – хорошо это или плохо, прогресс это или реакция. Но он воспроизводится, он не стыкуется. Он пока скорее вот через Петросяна концентрирует свою социальную энергию и культурную энергию.

И второй вывод, который из этого следует, – еще более спорный, чем все, что было сказано до сих пор.

Если мы в период перестройки, «разогнавшись», «ударившись» в эту стену, не смогли ее преодолеть по разным причинам, стену перехода, если не в постиндустриальное, а в позднеиндустриальное общество, то и вернуться к движению вперед мы, вероятно, сможем только вернувшись к тем проблемам, которые оказались не по зубам стране в период перестройки. Только вернувшись к решению проблем перестройки, мы сможем продолжить то движение, которое было прервано и сменилось деградацией в 1980-е, 1990-е годы. Вернее, прервано оно было, скорее, в 1990-е годы, а процессы деградации, я думаю, стали очевидными сейчас.

Павел Кудюкин

Производственная квази-община как центр жизненного мира

Жизнь большинства советских людей структурировалась их рабочим местом. И дело не только в представлении о социализме как «единой фабрике, управляющейся из единого центра» (хотя бы подспудно оно жило весь период существования советского общества), но и в объективной структуре социально-трудовых отношений.

Вообще ранне-индустриальные общества лишь начинают преодолевать объединение места приложения труда и места жительства. Промышленный рабочий уже не работает на дому, но его жильё максимально близко расположено к заводу

или фабрике – фабричные казармы, фабрично-заводские пригороды, заводские слободки разрастались вокруг предприятий так же, как средневековый город мог возникнуть вокруг замка или монастыря. Советская индустриализация не только воспроизвела, но и усугубила эту тенденцию.

На «великих стройках социализма» созданию социальной инфраструктуры уделяли минимальное внимание, и вокруг предприятий и небольших островков приличного жилья (главным образом для начальства) разрастались «нахаловки», «шанхай», в лучшем случае бараки. Ситуация начала меняться только с конца 1950-х гг. (известное постановление о массовом жилищном строительстве) и особенно со второй половины 1960-х, когда по условиям «косыгинской» реформы у предприятий появилась возможность строить жильё за счёт собственных фондов.

Вместе с тем свойственная для первых лет «социалистической реконструкции» чрезвычайно высокая подвижность рабочей силы начала постепенно заменяться «индустриальным крепостным правом», вполне соответствовавшим «второму крепостному праву (большевиков)» в деревне. Оно было окончательно закреплено июньским указом 1940 г., который действовал до 1956-го.

Общая либерализация системы после смерти Сталина привела и к либерализации правовой стороны трудовых отношений. Но тут в действие вступили экономические факторы. На смену административной зависимости работника от предприятия/учреждения пришла зависимость экономическая. Предприятия всё больше становились не только местом, где зара-